

**АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ
ЛЕОНИД ИВАШОВ
ВЛАДИСЛАВ ШУРЫГИН**

СИРИЙСКИЙ АРМАГЕДДОН

**ИГИЛ·НЕФТЬ·РОССИЯ
БИТВА ЗА ВОСТОК**

Коллекция Изборского клуба

Александр Проханов

**Сирийский армагеддон. ИГИЛ,
нефть, Россия. Битва за Восток**

«Книжный мир»

2016

Проханов А. А.

Сирийский армагеддон. ИГИЛ, нефть, Россия. Битва за Восток / А. А. Проханов — «Книжный мир», 2016 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-8041-0835-0

Станет ли конфликт в Сирии вратами к Армагеддону Третьей мировой войны? Является ли он следствием «конфликта цивилизаций» или инспирирован «коллективным Западом» во главе с США для преодоления глобального кризиса путем «управляемой хаотизации» других регионов современного мира? Что такое ИГИЛ и кому оно угрожает? Почему, против кого и для чего Россия начала операцию своих воздушно-космических сил в Сирии? Кто наши враги и кто наши союзники? Удастся ли Башару Асаду избежать судьбы Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи? Почему Турция сбила российский самолёт и каким будет ответ России? Состоится ли «размен» Сирии на Украину? Правы ли критики Путина у нас в стране и за рубежом? Станет ли резолюция Совета Безопасности ООН № 2254 (2015) «О положении в Сирии», принятая 18 декабря 2015 года поворотным пунктом для урегулирования сирийского конфликта? На эти и на многие другие вопросы, связанные с нынешней ситуацией на Ближнем Востоке и вокруг него пытаются ответить авторы этой книги. ИГИЛ – организация запрещенная в России.

ISBN 978-5-8041-0835-0

© Проханов А. А., 2016

© Книжный мир, 2016

Содержание

Александр Проханов	7
Куда идёт ИГИЛ?	11
Сирия в огне	21
Предыстория ИГИЛ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Александр Проханов, Леонид
Ивашов, Владислав Шурыгин
Сирийский армагеддон. ИГИЛ,
Нефть, Россия. Битва за Восток**

© Изборский клуб, 2016

© Книжный мир, 2016

Александр Проханов

Миф ИГИЛ

Только что с моими друзьями из Изборского клуба я вернулся из Катара. Крохотная страна среди огненных песков Аравийской пустыни, на берегу Персидского залива – лазурного, раскалённого. В глубинах таится гигантский пузырь газа, его высасывают, гонят по газопроводам на завод, где газ под давлением превращается в жидкость. Серебряные цилиндры, сферы, стальные башины... Оттуда сжиженный газ по трубам идёт на тирсы, у которых стоят колоссального размера газовозы. Они везут газ в Японию, в Китай, в Южную Корею, и питают им развивающиеся цивилизации тихоокеанского бассейна.

Торгуя газом, Катар получает несметные деньги. На них он построил свою восхитительную столицу Доху. Кристаллические небоскрёбы, сверкающие в лучах утреннего солнца, поднебесные хвощи, резные папоротники, гибкие, устремлённые в небо стебли, стеклянное, рассекающее небо перо...

Газовые деньги позволяют Катару участвовать в сложной ближневосточной комбинации. Он в свое время поддерживал «Братьев-мусульман», которые стремились к власти в Египте, и ненадолго взяли эту власть. Теперь, по многим утверждениям, он спонсирует ИГИЛ, помогая этому таинственному террористическому государству развиваться и получать оружие.

И всё это богатство находится под пятой американцев. Здесь действуют две американские военные базы. Одна – военно-воздушная. С неё в своё время поднимались американские самолёты и летели бомбить Ирак. На второй расположен региональный штаб американского военного командования, откуда ведётся управление и координация боевых действия флота, авиации, сухопутных войск. В Катаре обосновалась крупнейшая штаб-квартира ЦРУ. Тут же находится региональное ближневосточное подразделение «Рэнд корпорейшн», этого мозгового треста, который помещён именно сюда, в хитросплетение ближневосточной политики, черпает сведения, информацию, создавая видимые и невидимые миру проекты. Американцы – хозяева местной политики.

Доха (столица эмирата Катар) с высоты птичьего полета

Мы приехали в Катар, чтобы исследовать сегодняшнюю ситуацию на Ближнем Востоке, ибо она видна из Дохи, как на ладони. Ближний Восток отсюда просматривается, как огромная шахматная доска, по которой постоянно перемещаются фигуры, складывая неповторимые комбинации. Мы встречались с политиками, философами, с аналитиками, культурологами, с членами повстанческих движений Ближнего Востока. Встречались с представителями местного истеблишмента, с министром иностранных дел, с его аппаратом, среди которого угадывались скрытые разведчики. И вот вырисовывается поразительная картина.

Ближний Восток сегодня – это уравнение с десятками, а может быть, и сотнями переменных. Это уравнение, которое меняется каждую секунду, и картина Ближнего Востока, словно калейдоскоп, не останавливается ни на мгновение. Любое врывающееся сюда действие меняет картину в целом, и она не поддается исследованию до конца, она загадочна. Сложность Ближнего Востока увеличивается с каждой неделей, поэтому трудно на неё реагировать адекватно. Главное, о чём говорят аналитики: возможно, в течение ближайших пяти или семи лет положение государств на Ближнем Востоке кардинально изменится. Исчезнут одни, вместо них появятся другие. И потому все небольшие страны притаились, ожидая этих перемен, гадают: уцелеют ли они в результате наступивших колоссальных сдвигов.

На Ближнем Востоке, и это видно, разверзаются несколько чёрных дыр. Разверзлась страшная чёрная дыра в Ираке, поглотившая государство, уничтожающая целые ареалы населения. В Ливии разверзлась вторая чёрная дыра, страшный кратер, откуда извергаются энергии вражды, ненависти и истребления. В Сирии, недавно еще такой цветущей, ухоженной, благополучной стране, также разверзается чёрная яма, готовая поглотить сирийскую государственность. Такая же дыра намечается в Йемене, а также на Синайском полуострове, где не прекращаются схватки.

Как воздействовать на меняющийся мир? Как понять саму динамику распространения этих чёрных дыр, которые хотят слиться с одно огромное, тёмное, неподдающееся описа-

нию глубинное явление? Среди этих, во многом еще непонятых и неосвоенных, явлений возникает абсолютно новое – то, что мы называем ИГИЛ, то, что называем Халифатом. Этот мнимый Халифат копирует древний, основанный пророком Мухаммедом, мечтает о вторжении в Саудовскую Аравию, в Иорданию, мечтает о захвате Мекки и Медины. Эти будущие захваты опираются на древнее мистическое прошлое.

Существует миф об ИГИЛ. Мы в России иногда представляем ИГИЛ как необычное, таинственное, похожее на приведение явление, которое словно спустилось с небес и воплощает чей-то неясный и загадочный промысел. Вовсе нет. ИГИЛ можно разгадать, понять, можно структурировать. И при желании его можно уничтожить. Нам объяснили, что ИГИЛ был создан при содействии американцев, которые использовали группы офицеров разведки Саддама Хусейна. Разгромленные, разочарованные, брошенные на произвол судьбы, эти офицеры были собраны, их организовали, им дали деньги, внушили надежды. И политическая партийная разведка Саддама Хусейна легла в основу ИГИЛ. К ней примкнули другие спецслужбы, самые разные и экзотические. Но внутри, в центре, в ядре Халифата находится структурированная, холодная, рациональная сущность. Именно интеллектуалы разведки разработали тактику поведения ИГИЛ в мире. Нашли источники финансирования, продают «криминальную» нефть. Именно они построили тактику боевых действий ИГИЛ, способность выдерживать воздушные бомбардировки, уходить в города и применять там тактику партизанской войны. Именно эта группировка создала идеологическую надстройку ИГИЛ, придала ей вид мистического откровения, огромной мусульманской задачи и победы, которая пленяет множество мусульман во всех странах мира. И сюда на этот зов, на этот огонь, на этот разноцветный фонарь слетаются и сходятся тысячи молодых людей из разных стран, в том числе и из России.

ИГИЛ состоит из двух частей: из холодной структурированной, очень четкой, рациональной сердцевины, внутреннего холодного ядра. И из огненной, пылающей оболочки, куда слетелись, как мотыльки на огонь, молодые, неискушенные, обманутые, очарованные идеей нового Халифата, новой мистической свободы, люди. Планета ИГИЛ имеет ледяное ядро и раскаленную поверхность.

В Сирию прилетели российские самолёты, чтобы громить ИГИЛ, прорубая коридоры для наступающей сирийской армии.

Мы разговаривали с интеллектуалами, с журналистами, с политиками, стараясь объяснить, почему Россия прибегла к этому рискованному энергичному военному шагу, что двигало нами, когда мы предприняли эту авиационную операцию. Говорили им, что сражаясь с ИГИЛ здесь, в Сирии, мы защищаем свои рубежи на Кавказе, в нашем подбрюшье – в Средней Азии, где уже начинаются первые сполохи приближающейся беды и опасности.

Мы говорили, что, прилетев в Сирию, наши самолёты сражаются за саму Сирию, спасают её, не дают распространяться этой чёрной ямине – страшной чёрной дыре. Мы штопаем эту чёрную дыру, сохраняя на карте Ближнего Востока единое сирийское государство. Мы говорили, что, предотвращая возникновение этой чёрной дыры, мы спасаем и саму Европу, потому что из этой дыры хлынут миллионы новых беженцев, которые, стеноя, разрывая на себе одежды, ненавидя и плача, захлестнут европейский мир.

Говорили также, что мы – русское государство – возвращаемся на Ближний Восток. Здесь наши интересы. В свое время мы ушли с Ближнего Востока почти отовсюду, и лишь Сирия осталась тем рубежом, который мы не покинули. Теперь мы вернулись на этот рубеж. Наш флот движется по Средиземному морю. Наши компании работают на нефтяных полях Ближнего Востока. Через Сирию проходят коммуникации, соединяющие Восток и Запад, Азию и Европу. Мы утвердились и будем утверждаться здесь своей экономической, политической и военной силой.

Еще мы говорили, что наше появление в Сирии – это стремление к многополярному миру. Американцы, которые захватили этот регион и стали его хозяевами, натворили здесь такое количество бед, совершили такое количество преступлений, что их последствия придётся расхлебывать не одно десятилетие. Мы пришли сюда, чтобы противодействовать американскому безумию и сказать всему миру: человечество нуждается в нескольких центрах управления. Оно нуждается в нескольких центрах цивилизационных исканий и цивилизационных начинаний. И мы пришли в Сирию, чтобы утвердить концепцию многополярного мира.

Конечно, далеко не все радуются нашему появлению здесь. Такие радиостанции, как «Аль-Джазира» или «Аль-Арабия», полны инсинуаций, информационных провокаций, которые показывают российскую военную силу как чудовищное зло. Пугают и русских слушателей, и представителей Ближнего Востока тем, что это второй русский Афганистан. Говорят о том, что русские самолёты бомбят не цели ИГИЛ, а цели умеренной сирийской оппозиции. Той оппозиции, с которой Россия готова взаимодействовать и считает, что эта оппозиция в согласии с правительством Башара Асада способна создать временное правительство и привести сирийскую проблему к умиротворению не военному, а политическому.

Конечно, противодействие велико. Главы государств, политические, интеллектуальные центры всячески осуждают Россию. Но в тайных переговорах, когда убирали микрофоны, когда уходила пресса, нам давали понять, что многие государства и их истеблишмент симпатизируют Путину. Потому что американцы, добившись на Ближнем Востоке абсолютного господства, совершили массу чудовищных ошибок, привели к деградации и убежали от проблем, оставив их расхлебывать самим народам Ближнего Востока. Американцы проигрывают интеллектуально. Они не достигли здесь ни одной своей цели. И американцы, как правило, бросают тех лидеров, с которыми ещё недавно вели переговоры, на которых делали ставку. Так, например, они предали и бросили египетского Мубарака. Предали и бросили Саддама Хусейна, с которым вели тайные переговоры. Бросили и уничтожили Каддафи, который вошёл в согласие с западными, с американскими, спецслужбами.

То же самое они готовы сделать и с Башаром, с которым одно время американцы вели себя мягко, изящно, всячески искушая и соблазняя его. Другое дело, говорили нам наши собеседники, Россия. Президент Путин не бросает своих союзников, своих друзей, действует осмысленно, с открытым забралом. И поэтому отношение ближневосточной элиты к русскому появлению здесь будет меняться и станет медленно, но неуклонно проявляться как симпатия, как возможность для договорных отношений.

А сейчас Ближний Восток – это колоссальные, сдвинувшиеся с мест уклады, которые сталкиваются, искрят, враждуют друг с другом. Курды стремятся объединиться в курдское государство, преодолеть вековую разрозненность своего великого народа. Здесь появляются отряды Корпуса стражей исламской революции, которые начинают активно воевать с ИГИЛ. Палестинское движение сопротивления готовится к третьей интифаде, и в Иерусалиме уже идёт стрельба, льётся кровь. В Афганистане талибы, которые попали под контроль ИГИЛ, ведут наступление на Кундуз в непосредственной близости с границами Средней Азии. Ближний Восток движется, дымится, искрит. Его надо понять, осмыслить. Нужно написать интеллектуальную карту этого динамичного, очень важного для мира и для России района.

А пока что наши самолёты совершают боевые вылеты, громят и уничтожают склады с оружием ИГИЛ, прокладывают коридоры и дороги наступающей сирийской армии.

Куда идёт ИГИЛ?

«Круглый стол» экспертов Изборского клуба

Владислав Шурыгин,

руководитель военной секции Изборского клуба:

Уважаемые коллеги! Процессы, которые сейчас идут в исламском мире, настолько масштабны, что затрагивают интересы большинства мировых держав и центров силы. Идёт перекраивание политической карты Ближнего Востока, миллионы людей бросили свои дома и спасаются в странах, которые пока не затронула «арабская весна». Сейчас на первый план выдвинулось ИГИЛ – Исламское государство Ирака и Леванта, или просто Исламское государство. Именно к ИГИЛ приковано сегодня внимание масс-медиа, политиков, разведок и аналитических центров. Надеюсь, что с вашей помощью мы сможем разобраться в этой непростой и далеко не однозначной теме. Поскольку мы говорим о вещах, связанных с Востоком, то будем следовать восточной традиции и дадим слово аксакалу – Леониду Ивановичу Медведко.

Леонид Медведко,

востоковед, доктор исторических наук, академик РАН, член Союза писателей России:

Считаю честью для себя выступить в Изборском клубе по проблеме ИГИЛ. Мы с сыном Сергеем, тоже арабистом, провели в Сирии в общей сложности полтора десятка лет. Я прибыл туда в самое революционное время, когда Сирия собиралась строить социализм и арабское единство под руководством партии БААС. Сын меня сменил позже и практически был там до момента, пока не началась «арабская весна». Поэтому данную проблему не только мы, но и мой ближайший друг, патриарх востоковедения Евгений Максимович Примаков, с которым мы дружили и работали на Арабском Востоке, просматривали еще давно.

Война на Ближнем Востоке началась иракско-иранской войной, потом были Кувейт и «Буря в пустыне», «Шок и трепет», а после операции НАТО «Рассвет Одиссея» в Ливии всё перекинулось на Арабский Магриб. Напомню, что Ирак, Сирия, Йемен, Египет и даже Тунис, а потом Ливия, стали ареной действия «Аль-Каиды», «на смену» которой пришёл ИГИЛ.

Само слово ИГИЛ несёт в себе два названия: Ирак и Левант. Слово «Левант» – это французское слово, обозначающее средиземноморский район. Поэтому, когда речь идёт об Ираке и Леванте, то цель ИГИЛ – это не Ливан, как считают некоторые, а весь район ближневосточного Средиземноморья. Следовательно, первый вывод: ИГИЛ – это проект создания халифата на всём Большом Ближнем Востоке, включая Тунис, Ливию и Египет, куда недавно, на Синай, вторглись отряды ИГИЛ, объявив его эмиратом. Безусловно, «халифатчики» ставят своей целью расширить границы будущего халифата и на Афганистан, и на Пакистан. Почти везде им придётся столкнуться с шиитами. В Афганистане шиитов более трех миллионов. А в Пакистане – более сорока. В Индии тоже много – порядка 10 миллионов. Мы уже сегодня видим, что боевики ИГИЛ головы срубают не только иностранным корреспондентам или иностранным заложникам и не только христианам из Эфиопии, но срубают головы и шиитам, и курдам, то есть всем инаковерующим.

Конечная цель ИГИЛ – создание «великого халифата», куда должны войти страны, когда-либо находившиеся под властью арабских завоевателей, Османской империи, а также другие сопредельные территории

Кульминацией движения ИГИЛа по Большому Ближнему Востоку, конечно, станет столкновение с Ираном. У Ирана пока атомного оружия нет, зато у Пакистана есть, по разным оценкам, от ста до двухсот атомных зарядов. И если эти «халифатчики» из ИГИЛ проврутся в Пакистан, то ядерный Армагеддон будет угрожать не только Ближнему и Среднему Востоку, но и всему миру. А это очень серьезно. Перед надвигающейся угрозой ИГИЛ, партнерство, если не союз, с Тегераном против ИГИЛ, давно назрел. ИГИЛ все более угрожает теперь и Европе. Оно вербует также российских мусульман. Напомню последний скандал со студенткой Варварой Карауловой. И это не единичный случай. Немало имеется завербованных на Кавказе и в Центральной Азии. В Таджикистане их насчитывается более 400 человек, а на Кавказе уже прошли подготовку в Сирии несколько сот джихадистов. По некоторым данным, в России завербовано несколько тысяч человек, которые уже прошли в Сирии подготовку, чтобы влиться в ряды ИГИЛ.

Семён Багдасаров,

*директор Института изучения стран Ближнего Востока и
Центральной Азии:*

На иракско-сирийском театре военных действий, по оценкам Масуда Барзани, лидера Иракского Курдистана, армия ИГИЛ насчитывает до 200 тысяч бойцов. Но из них примерно половина – это силы безопасности, дорожная полиция и прочие небоевые силовые структуры, которые обеспечивают порядок в тылу любого государства. На фронте находится около 100 тысяч бойцов. Боеспособность ИГИЛ, опять ссылаюсь на Масуда Барзани, лежит на трёх китах: прежде всего, это бывшие советские офицеры, на второе место он ставит бывших офицеров армии Саддама Хусейна, на третье место – пакистанских офицеров.

Все отмечают прекрасную работу артиллерии ИГИЛ, но что это за артиллерия? Это советская боевая техника 70-х–80-х годов, в основном – гаубица Д-30. Нетрудно догадаться, по каким таблицам они стреляют, и где обучались их артиллерийские командиры, и откуда берут боеприпасы. В 2011 году я был по приглашению парламентариев стран НАТО на

Сардинии, и там присутствовал Аль-Малики – тогда премьер-министр Ирака. Перед нами выступал командующий силами США в восточном Средиземноморье, и он с большим пафосом говорил, что американцы на тот момент потратили 15 миллиардов долларов на обучение иракской армии, 7 тысяч инструкторов и советников готовят иракские силы безопасности и армии, так что скоро всё будет готово. Я ответил тогда, что они строят замок на песке, поскольку изгнали из армии большинство офицеров и превратили их в своих врагов – при том, что у шиитов всегда было очень мало профессиональных военных. И вот, мы видим настоящий распад иракской армии. Тот же Масуд Барзани признал, что основным поставщиком вооружения для ИГИЛ является иракская армия, у которой в одном Мосуле было захвачено 2300 специально подготовленных «хаммеров». В городе Эр-Рамади иракская армия американского образца обороняет город, по численности в три раза превосходя наступающих. Но в итоге бежит оттуда, бросив два огромных склада оружия. Поэтому продажа оружия Багдаду на деле будет означать снабжение ИГИЛ. При этом вооружённые формирования ИГИЛ отличаются высокой боеспособностью и обученностью. Как только начались авиаудары, командование ИГИЛ тут же (таким вещам обучали ещё в наших советских академиях) перешло к широкому использованию ложных целей, рассредоточению центров управления, нанесению ударов малыми группами по одной цели с разных сторон.

Сила, которая им противостоит в Ираке, – я её называю «иракская армия иранского образца», – это шиитская милиция. У шиитов очень высокий боевой дух, но с вооружением у них проблемы, хотя есть данные, что иракская армия американского образца постепенно передаёт им тяжёлое вооружение в т. ч. танки «Абрамс». И, надо сказать, шииты достаточно эффективно воюют, что показали события в Тикрите, когда большой город с четвертьмиллионным населением освободила шиитская милиция вместе с отрядами «Хезболлы» численностью до 10 тысяч бойцов. «Пешмерга» иракских курдов также серьёзно потеснила ИГИЛ, освободив почти 2000 кв. км, но сейчас они перешли к стратегической обороне. Причина банальна и проста – поездка Масуда Барзани в США и встреча его с Обамой. Целью этой поездки было добиться от США признания независимости Иракского Курдистана и проведения под патронажем США, в соответствии со статьёй 140 конституции Ирака, референдума по т. н. спорным территориям. После американского отказа курды и перешли к обороне. При этом у курдов нет никакого единого командования. Более того, идёт постоянная междоусобица. Разные политические партии и течения вступают в бои и столкновения: Демократическая партия Северного Курдистана воюет с Патриотическим союзом Курдистана и Рабочей партией Курдистана. И этим эффективно пользуется ИГИЛ.

Поэтому ситуацию в регионе я оцениваю достаточно пессимистично, всё там держится, если честно, благодаря Ирану. Надо называть вещи своими именами. Иранцы уже активно воюют не только через «Хезболлу», не только через «Аль-Кудс» и спецподразделения Корпуса стражей исламской революции (КСИР), который возглавляет такой талантливый человек, как Касем Сулеймани, но используют и регулярные части своей армии. Всё уже давно бы рухнуло, включая падение Дамаска, если бы не Иран. У ИГИЛ сейчас две главные цели, два направления наступления: Дамаск и Багдад – легендарные столицы великих Омейядского и Аббасидского халифатов. Для них это вопрос престижа и, если хотите, религиозного откровения – провозгласить халифат в одном из самых знаковых городов Востока и начать оттуда победное шествие на манер знаменитого Омейядского халифата – от Атлантики до Индийского океана. Вы посмотрите хотя бы на их знамя – это чёрное знамя аббасидского багдадского халифата. Разве это не символ?

Что касается сирийского театра военных действий. Сирийская армия ослаблена. Потери большие. За исключением алавитов, никто уже не хочет воевать. Друзы начали покидать армию и ополчение – народную самооборону, куда они входили вместе с алавитами, христианами и исмаилитами. Они всё чаще отходят к своим населённым пунктам, чтобы

защищаться там. Сирийская армия нуждается в серьёзной помощи, в том числе материальной. Я считаю, что в этих условиях Москва должна выделить Дамаску 2–3 миллиарда рублей для закупки запчастей и техники, прежде всего – для авиации и артиллерии. Вторая сила здесь – ливанская «Хезболла». Сейчас под Дамаском сражается от 15 до 20 тысяч её бойцов, и это число будет увеличиваться – особенно на фоне заявления шейха Хасана Насраллы о начале мобилизации шиитского населения. Наконец, там воюют иранцы, тот же «Аль-Кудс». Сегодня почти всеми вооружёнными группами, которые существуют в Сирии и воюют против ИГИЛ и остальных террористических организаций: таких, как Джабхат ан-Нусра, Ахрар аш-Шам, и т. д., – руководят иранцы. Они практически отодвинули сирийцев на второй план, потому что те сегодня уже сильно обескровлены. Есть отряды сирийских курдов, которые воюют очень хорошо. Партия демократического единства (это аффилированная с Рабочей партией Курдистана партия) – её силы воюют просто превосходно: лучше, чем само ИГИЛ, – но у них не хватает вооружения и очень сложная ситуация на границе с Турцией. Если сейчас Эрдоган введёт туда 18-тысячный военный контингент, там начнется Бог весть что. И тут отдельный вопрос – почему Эрдоган хочет ввести туда войска? Его категорически не устраивает возникновение любого квази-государства сирийских курдов, потому что, во-первых, политически это Рабочая партия Курдистана, которая уже много лет воюет с Анкарой в турецком Курдистане. Во-вторых, на фоне победы на юго-востоке Турции в последних парламентских выборах Демократической партии народов Селахаттин Демирташа создаются все условия для усиления сепаратизма курдов на территории Турции, что поставит Турцию на грань распада. Я ещё пять лет назад писал, что при существующих тенденциях Турция закончит своё существование, как единое государство в районе 2025 года, но теперь думаю, что это произойдёт даже раньше.

О действиях России. При том, что мы на всех углах рассуждаем об опасности ИГИЛ, и «Пешмерге», и иракским курдам военную помощь в виде поставок боеприпасов и вооружения оказывает Чехия, Венгрия, Люксембург, даже дальняя Австралия, Германия, – все. Они посылают вооружение, они посылают советников, но не Россия! Барзани после визита в Вашингтон поехал в Чехию, Венгрию, и везде просил: дайте нам советское вооружение, дайте инструкторов... А Россия, которая вроде бы как кровно заинтересована в том, чтобы остановить ИГИЛ, тихо отмалчивается в сторонке. Что сейчас можно было бы сделать? Когда армия Саддама Хусейна распадалась, курдам досталось большое наследство. По разным данным, от 150 до 300 танков Т-55, Т-62, Т-72, ПТ-76, но сегодня они у них стоят мёртвым грузом: нет запчастей для ремонта. Мы могли бы развернуть там два-три танкоремонтных полевых парка и быстро привести эту технику в боеготовность. Дать инструкторов, дать боеприпасы для артиллерии. И это реально бы изменило ситуацию в регионе, ударило бы по ИГИЛ.

Теперь, что касается нашей национальной безопасности здесь, в стране. У нас гуляют разные цифры российских добровольцев, воюющих за ИГИЛ. Замминистра иностранных дел озвучил её так: «У нас несколько десятков там воюет». Потом другой замминистра говорит: «нет, там 500 воюет», потом директор ФСБ говорит: «нет, 1700 воюет», потом замсекретаря Совета Безопасности уточняет: «нет, 2000, а может и все пять». Такие оценки просто дискредитируют эти уважаемые ведомства. Может, нужно изменить подход? Что делают другие страны? Они просто аннулируют загранпаспорта тех, кто уехал туда, своих граждан. Даже в Австралии аннулировали 100 паспортов своих граждан, которые воюют в ИГ. Так почему мы этого не делаем, почему мы не сделаем поездку в ИГ билетом в один конец? Мы хотим, чтобы они возвращались к нам уже убеждёнными террористами, чтобы начинали строить ячейки ИГИЛ здесь? Так они это уже делают! Ещё один вопрос. У нас безвизовый режим с государствами, граждане которых тоже воюют на стороне ИГИЛ: Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Киргизия. Так почему бы и с ними не согласовать одновремен-

ное введение такой меры? Наше благодушие может слишком дорого нам обойтись! Когда начнётся возврат боевиков, пойдёт волна терактов.

Теперь, у нас много говорят о контрпропаганде, но контрпропаганда против такой структуры, как ИГИЛ, – государственная задача. В пропаганде ИГИЛ есть несколько составляющих. Это не только религиозный фактор – смесь жесточайшего салафизма, когда они уничтожают все надгробия, с элементами мистицизма. Это еще и мощная социальная программа: предоставление жилья боевикам, помощь раненым, забота о семьях погибших, много чего ещё, вплоть до ремонта дорог, проводки в дома воды и электричества – и это работает! Население занятых ИГИЛ областей поддерживает его власть! Третий элемент – мощная пропаганда идей ИГИЛ среди немусульман, как идей неконформизма, социальной справедливости, новой формы революции – и это тоже работает! Тысячи людей в разных регионах мира, очень далёких от Ближнего Востока, вдруг принимают радикальную форму ислама и едут туда воевать.

Всё это требует самого серьёзного ответа. Но много ли у нас специалистов такого рода? Вот, недавно от нас ушёл генерал Шершнёв Леонид Иванович. Уникальный человек! В начале 80-х, когда стало ясно, что у нас нет специалистов по Афганистану, где мы ожесточённо воевали с моджахедами, он понял, что тратить пять лет в военном институте на подготовку специалистов уже бесполезно, и начал подбирать в войсках офицеров, которые проходили специальную переподготовку. Были созданы десятимесячные курсы при Военном институте иностранных языков, которые стали настоящей кузницей кадров по Афганистану. Я был командиром таких курсов и с высоты опыта прожитых лет могу оценить их своевременность и уровень. Неужели сейчас непонятно, что надо срочно создавать трёхмесячные, шестимесячные, десятимесячные курсы по ИГИЛ и радикальному исламу при силовых ведомствах: ФСБ, МВД и так далее? Меня часто просят приехать выступить перед офицерами разных ведомств, которые борются с экстремизмом, я вижу перед собой хороших, умных мотивированных офицеров, но у них нет элементарных знаний. Они не только не знают каких-то глубинных вопросов – ну, например, что такое Хизбут-Тахрир. Они не знают даже, кто такие таджики, узбеки, киргизы. Чем они различаются. Я их спрашиваю: а пособия какие-то у вас есть? И оказывается – ничего нет! Нужно срочно заняться контрпропагандой и обучением специалистов!

Когда я участвовал в стабилизации ситуации в киргизском Оше, то вышел на генерального секретаря Всемирного Союза мусульманских богословов Али аль-Карадаги, уговорил его приехать, стать посредником. И он поехал, встретился с высшим руководством Киргизии, а когда вернулся, у него глаза были на лбу: в Бишкеке и Оше он столкнулся с организациями, которые запрещены не только в Египте, но даже в Саудовской Аравии, как террористические, а тут они спокойно работали, строили мечети и назначали своих имамов! А мы вводим льготный режим для мигрантов из Киргизии...

Вот мы проводим в Таджикистане на территории Хатлонской области учения. По телевизору – бодрые репортажи... Но какой смысл в этих учениях? Если будет вторжение с территории Афганистана, то для начала надо разобраться, кто будет вторгаться и под каким знаменем? Под белым знаменем Талибана, под чёрным знаменем ИГИЛ или под зелёным исламского движения Узбекистана? И по какому сценарию пройдёт вторжение? При этом ответ на последний вопрос уже известен – по сценарию, аналогичному тому, который был в 1999 году. Не будут боевики идти под артиллерию и авиацию через Хатлон. А перейдут границу в районе горного Бадахшана с выходом на Раштский район и на Баткент, нависая над узбекской частью Ферганской долины. И самое неприятное то, что с 1999 года там прошли кардинальные изменения. Сейчас в киргизской части Ферганской долины очень широкое распространение получил, и в том числе и во властных структурах, Таблиги Джамаат, Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами, – настоящий питательный бульон для террористов. Вот это действи-

тельно опасно! И вместо показушных учений нужно добиться от господина Рахмона допуска на Памир, где проходят основные трассы наркотрафика и контрабанды китайского ширпотреба. Не хочет нас пускать? Тогда пусть сам разбирается со всем, а без нашей поддержки он и года не усидит! А разместить мы здесь два-три батальона 201-й дивизии, восстанови погранотряд и погранкомендатуру на Ишкашимском направлении, создай в Хороге оперативную совместную группу – и вот тебе решение проблемы исламистского вторжения! Хватит пустые учения проводить.

У нас сейчас постоянно обсуждается вопрос: с кем из исламских государств можно сотрудничать? Кому мы можем доверить обучение исламских мулл? Кто-то уже договорился до того, что мы вообще создадим собственные ВУЗы исламские – это абсурд. Нужно знать исламский мир: если тут будет стоять мечеть, где будет имам, выпускник Аль-Азхара, а здесь, к примеру, казанского чего-то там, – то верующие будут идти к выпускнику Аль-Азхара, а не к выпускнику Казани. Даже в Советском Союзе, где было атеистическое государство и правила КПСС, мы будущих мулл отправляли учиться за рубеж. Сегодня учиться за границу едут все, кому не лень, и многие из них попадают к радикальным исламистам и потом возвращаются боевиками. Слушайте, может, хватит нашим посольствам бездельничать? Может, давно пора договориться с египтянами, что гражданин России не может учиться в том же каирском Аль-Азхаре без специальной договоренности и без специальной путёвки, а все остальные депортируются? Те же, кто там учится, как во времена Советского Союза, обеспечиваются общежитием за счёт посольства, обеспечиваются стипендией и т. д. И когда они возвращаются, им говорят: а вот теперь тебе – самая хорошая мечеть. В том же Алжире более двадцати лет шла гражданская война. И что сделал Бутефлика, чтобы остановить радикалов? Он просто призвал из Аль-Азхара самых толковых умеренных богословов и направил их преподавать в ВУЗы Алжира, дал им лучшие мечети. Почему нам не повторить? Но ничего не делается. По принципу: день прошёл – и, слава Богу.

Александр Нагорный,

политолог, исполнительный секретарь Изборского клуба:

Я выскажу своё скромное мнение, что явление ИГИЛ, в общем-то, родилось само и сформировалось само. И связано это, прежде всего, с крушением красной идеологии. Здесь уже говорилось относительно офицеров иракской армии, стоявших у истоков Исламского Государства. Когда красная идеология была зачищена, то социальная эгалитарная схема, которая глубоко сидит в арабских головах, стала искать себе другую форму. И это и создало те социально-экономические, психологические и прочие условия, которые и привели к созданию этого движения. И, хотим мы этого или нет, это революционное движение будет развиваться либо в формах ИГИЛа, либо ещё в каких-то формах. Конечно, американцы пытаются использовать эту ситуацию. И у меня такое впечатление, что развитие этого движения может принимать самые парадоксальные формы, но в значительной степени это будет связано с социальным и экономическим положением, которое существует на Ближнем Востоке.

Сергей Глазьев,

экономист, академик РАН, советник президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции, член Изборского клуба:

Я пытаюсь разобраться. К примеру, на Украине мы видим нацистов, которые там всегда были, но долгое время находились в подавленном состоянии. И мы точно знаем, почему они вдруг ожили, мы знаем, как американцы реанимировали этих наследников Бандеры и Шухевича весь советский период, мы знаем, как они десантировали на Украину их агентов. То

есть, мы знаем роль американцев в событиях на Украине, знаем практически персонально. Мы знаем роль американцев на Кавказе, когда шла Чеченская война. Если Большой Восток сейчас – зона американской ответственности, то как там мог сам по себе возникнуть ИГИЛ? Ирак – это зона, оккупированная американцами. Афганистан – тоже под контролем американцев, половина Сирии под их контролем. Они сформировали антисирийскую коалицию, которая породила, собственно говоря, этот ИГИЛ, насколько я понимаю. А следов американцев, получается, тут нет? Они сами по себе, а ИГИЛ сам по себе? Роль американцев – вот что меня волнует больше всего в данном вопросе. Значит, если американцы создавали вместе с союзниками из суннитских кругов ИГИЛ, то почти наверняка оно напичкано их агентурой. Так же они и Гитлером манипулировали в своё время, но отличие заключается в том, что у Гитлера была военно-промышленная база, которая была создана с помощью американцев и позволяла нацистскому режиму производить военную технику. У ИГИЛ такой базы нет, оружие им поставляется в обмен на нефть через целую сеть посредников, подконтрольных США финансово. У ИГИЛ нет производства военной техники и боеприпасов, и США вряд ли дадут им возможность создать такое производство. Я хочу понять всё-таки логику их управления. Если манипулирование существует, то в каком направлении США будут двигать ИГИЛ? Если американцы контролируют Багдад и там у них большие экономические интересы, то ИГИЛ не двинется туда. Турция для экспансии тоже закрыта, так как турки являются неявными союзниками ИГИЛа. И тогда остаётся одно-единственное направление экспансии после взятия Сирии – как мне кажется, это Афганистан и затем Средняя Азия.

Семён Багдасаров:

Знаете, большевики тоже в свое время с немцами сотрудничали, пока не пришли к власти, и тогда сказали: до свидания, ребята, теперь мы вас не знаем! А через двадцать пять лет вошли в Берлин! Это один к одному – ситуация с ИГИЛ. Там ненавидят американцев. Точно так же, как ненавидят Катар, который тоже числился крёстным отцом ИГИЛ. Теперь катарцы для них – враги! ИГИЛ – это вообще группировка, не признающая союзников. Они даже Джабхат ан-Нусра не признают! У них нет союзников, у них есть сами они. Поэтому никто ими сейчас не манипулирует. Не надо ИГИЛ недооценивать и думать, что американцы там полностью сегодня рулят. Другой вопрос, что американцы в результате всей этой войны получили очень важный для себя шанс: они всегда мечтали зачистить шиитскую дугу Тегеран-Багдад, потому что там зона контроля Ирана. Для них давно уже кость в горле алавитская Сирия и «Хезболла» в Ливане. Никто не мог это сделать. ИГИЛ разорвало эту дугу, её больше нет. Более того, американцы добились у иракского Курдистана разрешения на создание трёх баз в непосредственной близости от наших пограничников, которые охраняют армяно-турецкую границу. Поэтому американцы тут лишь игроки: где-то выиграли, где-то нет.

А «халифатчики»... Пока они не разберутся у себя на Ближнем Востоке, лезть в другие регионы особо не будут. Да, начнут создавать свои вилайеты в Афганистане, в Средней Азии, на Кавказе. Но как только они разберутся с нынешним противником, у них возникнет идея дальнейшего распространения. Конечно, они мечтают об Аравийском полуострове. Но ведение боевых действий там сильно затруднено, поэтому сейчас происходят взрывы в Кувейте в шиитских мечетях Саудовской Аравии, чтобы начались межрелигиозные столкновения. Им просто подарок – вражда Ирана и Саудовской Аравии.

Владислав Шурыгин:

Я думаю, что, главный для нас вопрос: угрожает всё-таки ИГИЛ России или нет? Если угрожает, то в какой степени? Если определяем степень, то соответственно нужно определиться с нашей стратегией. Согласен с тем, что пока ИГИЛ не зачистит вокруг себя тер-

риторию, пока оно не получит под свой контроль окружающий регион, пока оно не окрепнет, конечно, ему дальше выплёскиваться куда-то бессмысленно. Но Исламское Государство готовится к расширению. Появляются ячейки ИГИЛ и в Средней Азии и на Кавказе. ИГИЛ действительно становится брендом, который привлекает к себе авантюристов и экстремистов. Когда же нам ждать ИГИЛ здесь, ждать ли его здесь и, самое главное, где его остановить? На мой взгляд (и об этом тоже сегодня было сказано), ИГИЛ не всесилен, внутри него очень много противоречий. Прежде всего, как было совершенно точно сказано Семёном Аркадьевичем, он не способен ни на какие союзы и пытается подчинить себе всё и вся. И в этом его определённая слабость. Когда говорят сейчас о том, что талибы расколются, я не верю: талибы чётко сконцентрированы в племенной зоне пуштунов. Это пуштунское движение. И племена, которые живут по границе с Пакистаном, всегда работают только на себя. Идеология для них вторична, поэтому я не думаю, что они куда-то вслед за ИГИЛом двинутся, – они будут по-прежнему держать вот этот свой регион. И противоречия можно продолжать. На мой взгляд, Россия должна переориентировать свою политику и уметь играть на этих противоречиях. Потому что есть противоречия у ИГИЛ и с Турцией, которая, с одной стороны, им помогает, но при этом совершенно не желает усиления этой группировки до масштабов квази-государства. Конечно, стратегический наш союзник в борьбе с ИГИЛ – это Иран, и нам нужно очень серьёзно пересматривать сегодняшнюю полусоюзническую, но во многом оглядывающуюся на Запад, нашу позицию, потому что Иран слишком опытен, чтобы этого не видеть. И, в-третьих, конечно нам нужно проводить военно-политические мероприятия, связанные с затыканием тех дыр, через которые к нам может прийти ИГИЛ, а сейчас идут экстремизм и наркотики.

Яна Амелина,

секретарь-координатор Кавказского геополитического клуба:

Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров назвал ИГИЛ «нашим главным врагом на сегодняшний момент... хотя бы потому, что в его составе воюют сотни россиян, граждан стран СНГ, европейцев, американцев». «Повоюют там, а затем возвращаются и устраивают гадости у себя дома», – пояснил глава российского дипломатического ведомства. Для подобных опасений, казалось бы, имеются все основания. Еще 3 сентября 2014 года в Интернете появилась видеозапись, где боевики ИГИЛ угрожают президенту России Владимиру Путину за помощь сирийскому коллеге Башару Асаду и прямо заявляют: «Мы, с дозволения Аллаха, освободим Чечню и весь Кавказ! „Исламское государство“ есть и будет, и оно расширяется, с дозволения Аллаха. Твой трон уже пошатнулся, находится под угрозой и падёт с нашим прибытием к тебе. Мы уже в пути, с дозволения Аллаха!».

Однако сегодня ясно, что угрозы борцов с Асадом и Путиным оказались таким же блефом, как и потуги «Имарата Кавказ» сорвать зимнюю Олимпиаду в Сочи. Российские правоохранительные органы не оставили похвальбу радикалов без внимания и провели масштабную зачистку региона, значительно снизив степень террористической опасности.

Часть боевиков, в том числе присягнувшие ИГ лидеры «Имарата», включая его главаря Алиасхаба Кебекова, ликвидирована. Соратников нового «лидера» ИК Абу Усмана Гимринского, не поддержавшего ИГ, осталось совсем мало. Ряд боевиков, в том числе по разным причинам не решившихся проявить себя в «Имарате», предпочли совершить «хиджру» (переселение) в самопровозглашенное «Исламское государство». Исход из «Имарата», вернее, прекращение подпитки свежими силами, начался даже раньше, чем его постигли организационные проблемы. Многие потенциальные «имаратчики» оказались разочарованы как очевидным отсутствием перспектив дальнейшей вооруженной борьбы,

так и интернациональным характером ИГ. Те же проблемы ожидают и ИГ, пытающееся перехватить в регионе хорошо потрепанную социальную базу «Имарата».

Из этого вряд ли что-нибудь получится. За последние два года ситуация на Северном Кавказе значительно стабилизировалась, хотя победу над религиозным экстремизмом торжествовать, безусловно, рано. «Имарат Кавказ» на глазах превращается в такое же виртуальное образование, как ранее – сепаратистский проект «Чеченской Республики Ичкерия». Происходит и естественная смена поколений: «имаратовцы» первого призыва уничтожены, а «электорат» исламского государства, которое старшие товарищи считают опасной сектой и называют «игишнутыми», – практически исключительно «зелёная» молодежь.

По оценкам российских и иностранных экспертов, на стороне ИГ воюет около двух тысяч выходцев из России. Столько их отыскалось среди 20 миллионов российских мусульман. Большинство российских боевиков ИГ составляют чеченцы и дагестанцы (эксперты говорят примерно о тысяче последних, но конкретных цифр нет).

Концептуальные основы, на которых базируется ИГ, разоблачены и опровергнуты как зарубежными, так и российскими исламскими деятелями. Соответствующие фетвы выпустили саудовские, египетские, американские мусульманские богословы, к которым немного позже присоединились и российские. В конце марта Совет улемов Духовного управления мусульман РФ вынес фетву, доказывающую, что «все действия ИГ, начиная от создания группировки, призыва к переселению и кончая жестокостью и публичными казнями, противоречат исламу». «Пламя вечного ада» пообещал игиловцам глава Чечни Рамзан Кадыров, а муфтий Чечни Салах Межиев назвал их «войском сатаны».

«Это не „Исламское государство“, а бандитское образование, и так и нужно его называть, – убежден муфтий Северной Осетии Хаджимурат Гацалов (кстати, первым из российских исламских деятелей осудивший ИГ). – Никакой потенциальной опасности для России оно не влечет, тем более, для Кавказа. Это – порождение западных спецслужб, и оно будет существовать до тех пор, пока нужно США». Дальнейшее расширение ИГ невозможно, убежден муфтий.

Но можно ли нам сегодня почивать на лаврах? Конечно, нет! Мы оказываемся перед серьёзным идеологическим вызовом. Как справедливо заметил научный сотрудник Российского института стратегических исследований Василий Иванов, в боевики идут вовсе не от бедности. «Материальные факторы не являются главным стимулом для радикал-исламистов, – полагает он. – Причиной того, что люди из разных стран едут в ИГИЛ, является джихадистское мировоззрение, которого они придерживаются, их идейные установки».

Государство и общество проигрывают в битве за умы именно потому, что им нечего противопоставить идеологии ИГ – прежде всего, на идейном уровне. Противостоять религиозной идеологии может лишь другая религиозная идеология. Так называемый «традиционный ислам» не справляется с этой ролью – он слишком формализован и заорганизован, чтобы отвечать потребностям молодёжи. Православная церковь в её нынешнем состоянии также не способна увлечь молодых пассионариев. Светское общество также не может предложить ничего конкурентоспособного – не считать же прорывными идеи «потребления ради потребления» или, тем более, «развития нанотехнологий», о которых, впрочем, уже благополучно забыли.

Костяк боевиков «исламского государства» с территории бывшего СССР составляют молодые люди 1991–1994 годов рождения (есть и постарше, но большинство – молодёжь самого цветущего возраста). Они родились и выросли в условиях не просто отсутствия государственной идеологии, но и конституционного запрета на неё, падения уровня образования, слома социальных лифтов и отсутствия жизненных перспектив. Нет знаний, работы, денег, семьи, самореализации, а главное – подвига, остается бессмысленное (вернее, откровенно вредное) сидение в Интернете с единственной целью – как-то себя занять. И потому, хотя

массово поднять северокавказских и поволжских мусульман «на джихад» под лозунгами виртуального «исламского государства» не удастся, формулировка идеологической альтернативы в общероссийском масштабе остается важнейшим пунктом повестки дня.

Леонид Медведко:

Я думаю, что мы рано списываем со счетов Сирию, хотя, конечно, сейчас её положение очень непростое. Я хорошо помню, как спорил с западными коллегами. Когда всё только началось, они говорили: Башар Асад протянет не больше месяца. Но, как мы видим, Сирия держится уже третий год. И, чтобы пассивно не ждать, когда ИГ появится на наших границах, сейчас необходимо сосредоточить усилия на помощи Сирии. Там ещё есть, на что опереться: есть власть, есть инфраструктура, есть армия сирийская, которая, кстати, уже набрала огромный опыт войны с ИГ и другим экстремистами. И поэтому надо делать акцент прежде всего на помощи и военным, и спецслужбам Сирии, где нас по-прежнему считают самыми большими друзьями. Необходимо работать и с оппозицией, которая далеко не вся готова подчиниться ИГ и назваться халифатом. Сегодня в Сирии три центра власти: ИГИЛ, Башар Асад и разномастная оппозиция. И кто сможет объединиться – та сторона и победит. И нам нужно, прежде всего, сыграть сейчас на сирийской платформе. На иракской – не получится, потому что это уже давно сфера американских интересов.

Сергей Глазьев:

Попытаюсь сформулировать – в первую очередь для себя – итоги состоявшегося обсуждения. Если бы ИГ действительно мешало американцам, они давно бы навалились на ИГ всей своей мощью. Но США лишь строго дозированными пинками подталкивают исламистов в нужном «вашингтонскому обкому» направлении. Это и есть американская теория «управления хаосом» в действии. Воронка этого хаоса всё-таки целенаправленно будет двигаться к нашим границам. Именно потому, что внешние силы во главе с США, и турки в том числе, будут их в эту сторону толкать. Поэтому, мне кажется, самый логичный ход противодействия этой угрозе заключается, во-первых, во вступлении Узбекистана и Таджикистана в Евразийский союз – не формально, а с углублением интеграции не только в экономическую, но в военно-политическую сферу. Конечно, когда в Кыргызстане легально ведут работу террористические организации, которые спонсируются американцами, – это не дело. Но киргизские власти с нами сотрудничают и по линии Евразийского союза, и по линии ОДКБ, поэтому мы можем влиять на их позицию по этим проблемам. Мы должны идти по пути углубления интеграции, чтобы наши армии, наши спецслужбы и структуры МВД – так же, как наши таможенники, – начали работать вместе, понимая общие цели и задачи. И ИГИЛ, как общая угроза – это одновременно вызов и стимул для нашего союза.

Сирия в огне «Круглый стол» экспертов Изборского клуба

Александр Нагорный,

исполнительный секретарь Изборского клуба:

Уважаемые коллеги!

Темой нашего обсуждения будет военная операция в Сирии, которая проходит на фоне падения экономики России, на фоне неотрегулированной и незавершенной ситуации на Украине, на фоне всё более глубокой конфронтации нашей страны с Соединёнными Штатами и их союзниками. Мы понимаем, что эта операция – не краткосрочная, не на два-три месяца, и, чтобы она оказалась успешной, в России необходимо вводить мобилизационный проект, осуществлять «перенастройку» государственного аппарата, в том числе и кадровую. Возможно, тогда через два-три года мы сможем добиться каких-то приемлемых условий для компромисса. А сейчас ситуация удобна американцам: они получили почти всё, чего хотели. Они втянули Россию в очередной конфликт – причём на этот раз с исламистами за границей России. Вы знаете, что уже 56 саудовских шейхов или мюридов, в общем – священников, объявили джихад России и лично Путину. Можно, конечно, подумать, что это пустяк, но для суннитских масс это многое значит. Если мы не проведём «чистку» политической элиты здесь, в России, и не сплотим общество, то из Сирии, как в своё время из Афганистана, либералы вынудят нас уйти, но последствия проигранной войны в Сирии и проигранной «украинской партии» могут быть весьма плачевными для нынешней российской власти.

Олег Розанов,

ответственный секретарь Изборского клуба по региональной и международной деятельности:

Я не могу согласиться с вашим, Александр Алексеевич, скепсисом. Давайте посмотрим. 56 шейхов, о которых шла речь, придерживаются доктрины ваххабизма, но далеко не все сунниты разделяют эту доктрину. Во-вторых, у нас в союзниках – Иран, который уже активно воюет в Сирии. Также в наших союзниках – шииты Ирака. Далее – курды, которые заинтересованы в том, чтобы выстроить отношения не с Америкой, которая не влияет на режим Асада, а с Россией, потому что определять судьбу сирийских курдов будет режим в Дамаске, а никак не Турция. А американцы в этом вопросе вынуждены во всем поддерживать своего союзника Турцию, которая никогда не пойдёт на создание независимого государства Курдистан. Также у нас в союзниках довольно мощная ливанская «Хезболла».

В общем, можно сказать, что у нас в этом регионе налицо серьёзное доминирование шиитского населения и международных игроков, которых я перечислил выше. Европа, которая не заинтересована в наплыве беженцев, тоже становится нашим союзником. Тот блок, который сколачивает Россия в виде Ирана, властей Ирака, Асада, «Хезболлы» – позволяет нам действовать довольно решительно. И ничего другого, как искать с Россией компромисс, для американцев и западной коалиции не остается.

В этой ситуации для России главное – не ввязываться в наземную операцию, а наращивать бесконтактную войну. Я думаю, здравый смысл рано или поздно восторжествует, и эта военная ситуация, в которой оказалась Россия, мобилизует элиты даже из инстинкта самосохранения. Если мы будем действовать решительно, не реагируя на «лай» наших врагов, можем выйти на тот компромисс, который нас будет устраивать и усилит наши позиции на Ближнем Востоке и в геополитическом контексте в целом.

Владислав Шурыгин,

руководитель военной секции Изборского клуба:

Не надо иметь иллюзий, что вот «побомбим», и всё закончится. Нужно понимать, что и ИГИЛ, и другие воюющие здесь группировки прекрасно приспособились к ударам с воздуха. Опасность, которая очевидна, – это опасность дальнейшего военного погружения в конфликт. Нам очень сложно будет избежать противостояния с американцами: не военного, а, скорее, геополитического. Американцы будут, сохраняя внешний нейтралитет, заниматься тем же, чем они занимались в Афганистане, – поддерживать боевиков в их войне против русских. Из закрытых источников стало известно, что представители ИГИЛ через Турцию, через Британию ищут выход на украинское руководство с целью получить от Украины средства ПВО. И, если Украина им даст эти средства, то стоять за этой сделкой будут американцы. Это реальная угроза.

Совершенно очевидно, что мы туда пришли не на один месяц. Сейчас мы каждый день смотрим новости и пребываем в воодушевлении, что ещё пятьдесят или пятьсот целей поражено, но надо понимать, что такая операция может занимать минимум шесть месяцев и, дай Бог, чтобы счёт не пошёл на годы.

Су-25 в Латакии (3 октября 2015)

Каковы цели этой операции для России? Худший вариант – это раздел Сирии на три зоны: алавитскую, включая Дамаск, курдскую и суннитскую. Это, на мой взгляд, самое худшее, что мы можем получить. Лучший вариант – можем посадить за стол переговоров наиболее вменяемых людей по обе стороны фронта и помочь провести выборы в Сирии, сохранив её как единое государство и обеспечив наши интересы там.

Сергей Медведко,

шеф-редактор телеканала «Русия аль-Яум»:

Я прожил в Сирии более 10 лет, это была совсем другая эпоха, там было настолько спокойно, мирно и приятно жить, что с трудом верится, что это одна и та же страна. Я закончил Институт стран Азии и Африки, и еще на четвёртом курсе мне довелось побывать в Сирии. В частности, я был переводчиком сирийских ВВС, поэтому хорошо ориентируюсь в военных аэродромах этой страны. Благодаря Башару Асаду, который после своего отца провел ряд демократических реформ в Сирии, в частности открыв для Сирии интернет, Сирия изменилась. Образ «кровавого диктатора», который создали ему западные СМИ, совершенно не соответствует действительности, Башар Асад гораздо мягче своего отца. Придя к власти, он резко начал менять систему, созданную при его отце, но затем «старая гвардия» стала его сдерживать, не давая довести начатое до конца. А потом началась «арабская весна», которую Башар не просчитал, недооценил, делая заявления, что, слава Богу, нам это не грозит, у нас другие традиции и т. д. Сирия является одной из молодых стран по возрасту населения, и новое поколение выросло уже в эпоху так называемой «арабской весны». События в городе Дераа на юге Сирии спровоцировали сценарий обвала. Но самое ужасное началось тогда, когда в Сирию стали посылать наёмников со всего мира (из Ливии, Афганистана, Африки) за хорошие деньги. Но сегодня происходит некоторое переосмысление ситуации: даже те оппозиционеры, которые воевали с оружием в руках против Башара, в частности Свободная Армия Сирии, когда они стали взвешивать и выбирать из двух, так сказать, зол, они стали возвращаться в ряды сирийской армии, понимая, что лучше быть с нормальным, цивилизованным и вполне предсказуемым режимом, нежели с ИГИЛ. Сам Башар Асад заявлял, что он готов уйти с поста главы государства, но не позорно «бежать с тонущего корабля», а путем легитимных народных выборов. Это дает шанс сирийцам сесть за стол переговоров и провести выборы, но без вмешательства третьих стран, американцев и прочих.

Шамиль Султанов,

президент Центра стратегических исследований «Россия – Исламский мир»:

Я коротко скажу по поводу основных угроз, которые возникли после того, как началась эта военная операция в Сирии. Первое. Когда ты вступаешь в войну, то должен знать, кто твой противник.

Су-30СМ в Латакии

Кто наш противник в Сирии, мало кто понимает. Я чётко знаю, что ни в Генштабе, ни в ГРУ, ни в ФСБ нет чёткого представления о том, что такое ИГИЛ. Все разговоры о том, что это некий «международный терроризм», – не более чем пропаганда. Немцы в Белоруссии партизан тоже называли «террористами». А назовите их «партизанами» – и вы всё поймёте. Война с партизанами – очень сложное занятие. Что такое ИГИЛ, в таком случае? ИГИЛ, я бы сказал – это политический «квантовый феномен». Одним из «отцов» ИГИЛ являются спецслужбы Ирака, прежде всего Мухабарат Фесбият – партийная разведка и, одновременно, ядро и центр иракских спецслужб. Эти люди прекрасно знают, что делать и как делать, и построили для этого вполне эффективную структуру.

В 2013 году мы проводили исследование, и по его результатам оказалось, что вся Сирия расколота на 320 анклавов, каждый из которых представлял собой военную силу – отдельный клан, отдельное племя. 320 анклавов! Они, естественно, вступали в разного рода конфликты и коалиции друг с другом, имели контакты и с ИГИЛ, и с режимом Асада, и с кем угодно еще. Но ИГИЛ их постепенно «переваривает», примерно половина этих анклавов, более трех четвертей суннитских анклавов, уже на его стороне.

Отсюда и возникает основная проблема в любой войне с партизанами, в этом и состоит основной вопрос: «На той территории, на которой ты воюешь, – поддерживает ли местное население партизан или же не поддерживает?» Чтобы у вас не было иллюзий по данному поводу – социологические опросы населения большинства арабских суннитских стран показывают, что население поддерживает цели и задачи, декларируемые ИГИЛ. Это с нашей точки зрения ИГИЛ – террористы, а с их точки зрения – это борцы за справедливость. А «справедливость» – это высшая ценность в исламе.

И сразу же спросим себя: а за что борется ИГИЛ? За восстановление исторического арабского самосознания. Поскольку большинство современных стран, которые мы сегодня видим на карте: Ливия, Тунис, Сирия, Ирак и так далее, – их не было в истории, это плоды европейского колониализма. Но была извечная арабская мечта о едином арабском государстве, которую сейчас и реализует ИГИЛ. В Саудовской Аравии, согласно опросам, 92 %

населения поддерживают ИГИЛ. Опросы «Аль-Джазире» показывают, что в Катаре 67 % населения поддерживают ИГИЛ. Это надо учитывать.

Есть и немаловажный второй момент. Когда ты «влезашь» в любую войну, ты тут же, в самом начале, должен определить, как ты будешь из этой войны выходить. Вопрос сейчас состоит в том, как мы будем оттуда выходить? Просто отбомбиться? Нет, не получится. Вот я сейчас смотрю на пропагандистскую картинку начала бомбардировок в Сирии. И вспоминаю события июля прошлого года, когда США начали бомбардировки ИГИЛ. Те же самые сюжеты, те же самые победоносные репортажи: «Вот, мы столько-то разбомбили, столько-то бомб сбросили, столько-то террористов убили». А уже через три месяца над американцами стали смеяться: «Ребята, что-то не так. По вашим репортажам вы уже то ли 10, то ли 15 тысяч иГИЛОВЦЕВ убили – а их в реальности только прибавилось! Даже ЦРУ это признаёт».

Третья угроза, о которой стоит сказать. Сейчас, как вы знаете, внутри нашей страны начинают усиливаться претензии – и к лидеру нашему, и по поводу того, что делать. И чем дольше будет продолжаться эта ситуация в Сирии, а она неминуемо приведёт к тому, что появятся жертвы, появится кровь и так далее – тем больше будет нарастать ситуация разброда в так называемой «элите», о чём упомянул в своём выступлении Владислав Шурыгин.

И последний момент. С развитием и продвижением конфликта «вашингтонским обкомом» и другими «обкомами» будет делаться ставка на пропаганду того, что Россия является «врагом всего суннитского мира». А, поскольку 95 % российских мусульман – это именно сунниты, то можно сказать, что такая пропаганда будет распространяться и на Россию, в различных обликах, на различных языках – и это тоже не просчитано.

Максим Шевченко,

телеведущий:

Я считаю, что включение России в ближневосточную игру вполне своевременно – и чуть было не опоздало. Это первое. Если бы Россия дождалась падения Асада, будь он плохой фигурой или хорошей, в этих «ближневосточных шахматах», для которых, вообще-то, нет определения «хороших» или «плохих» фигур, а есть просто фигуры на доске; так вот, если бы Россия дождалась падения Асада, то у неё бы совершенно не осталось возможностей в этой игре, кроме как идти на поклон к Израилю, и тогда уже выпрашивать на коленях, будь то у Нетаньяху, у Авады или у Ликуда, возможность участия в ближневосточной игре. Это было бы абсолютной катастрофой для России, поскольку, что бы нам ни рассказывали о водородных двигателях, но именно Ближний Восток остаётся на начало XXI века той кладовой нефти и газа, ключевым энергетическим регионом, который снабжает весь мир, особенно с учетом новых, разведанных уже месторождений возле побережья сектора Газа или возле побережья Сирии.

Вытеснение России с Ближнего Востока означало бы, что Россия становится некоей третьесортной периферийной страной, которая пытается договориться с Китаем о поставках энергоносителей по сниженным ценам и, с другой стороны, имеет так и не разрешённый украинский кризис на транзитных путях с Европой, которая в это время как раз «ложится» под США в рамках трансатлантического торгового соглашения. То есть Россия становится даже не колонией.

Во-первых, я уверен, что держава, которая в XXI веке не будет присутствовать на Ближнем Востоке, не будет иметь там своего партнёра, хорошего или плохого, морального или аморального, – эта держава в XXI веке уже ничто. Это просто «пятно на карте», вся жизнь которого уже зависит от внешних игроков. Таким образом, эти 34 российских самолёта – фактор не военного присутствия, но политического. Поэтому, при всём уважении к Шамилю Загитовичу Султанову и его глубокому экспертному пониманию региона, я тут позволю с

ним не согласиться. Сирия – это не только Асад и не только алавитский режим, как это нам пытаются представить пропагандисты. Алавиты, а точнее – группа алавитских военных, которые пришли в Сирии к власти, была скорее «точкой сборки» между христианским населением Сирии, опирающимся на Ливан, шиитами и суннитским большинством. И сегодня у власти в Сирии не «алавитский террористический режим», как это на разные лады поют суннитские пропагандисты, а символ того «общества согласия», что было выстроено в Сирии. Сам Башар Асад должен был признать себя суннитом, когда женился на суннитке Асме аль-Ахрас. Сирия – это не страна, а местность, территория, по которой ходил Гильгамеш, встречался с Энкиду, где возле Дамаска был похоронен Авель, где лежит внучка пророка Мухаммеда Зейнаб – эта территория является важным местом для всего исламского (и не только исламского) мира. Дамаску уже 5000 лет – это вообще самый древний из существующих ныне, «живых» городов на Земле.

Ключевой вопрос для вмешательства России в этом регионе, да и вообще для региона в целом – это палестинский вопрос. На территории Сирии на момент начала военных действий находилось около 600 тысяч палестинцев. В секторе Газа, напомним, между ихванами и салафитами были вооружённые столкновения, в результате которых ХАМАС уничтожил салафитов и ваххабитов в Газе просто физически. Включая, кстати, женщин и детей – погибли целые общины. Поэтому, тут, извините, между суннитами нет никакого единства – там единство такое, как было у нас, в 1918–1919 годах между красными и махновцами на территории Южной Украины – вроде бы все против Врангеля, но при первой возможности они готовы убивать друг друга. Я считаю, что приход России туда – это чисто политическое присутствие, для палестинцев – это выдох облегчения: наконец-то появляется понятный полюс, с которым можно вести переговоры. Напомню, что все палестинские фракции, кроме радикальных салафитских, имеют давнюю традицию переговоров с Россией. Я считаю, что никакой консолидации мусульман против России не будет на территории Сирии. Потому что за спиной каждой группы стоят государства, между которыми существуют непримиримые противоречия.

Александр Владимиров,

президент Коллегии военных экспертов России:

Я буду говорить с точки зрения «теории войны». С точки зрения «теории войны» хочу начать со слов генерала Макашова: «Товарищи офицеры, прекратите заниматься пессимизмом!»

Во-первых, эта операция прорабатывалась минимум полтора года. Россия соблюла все формальные процедуры и официальным агрессором быть не может.

Россия входит в войну ситуативно и технически грамотно. Мы дождались, когда наступил момент понимания, что режим Асада не «сопьётся», не посыплется сам. Это стало очевидно для всех. В стане противников Асада разброд и шатания дошли до предела. Западная коалиция получила стратегический военный тупик.

Нами достигнута определенная стратегическая внезапность и осуществлен перехват стратегической инициативы. Такого не было у нас с 1968 года. Были выбран, правильный момент и метод реализации. На сегодняшний день Россия получила максимальный политический эффект от своих действий. Теперь наша задача – достичь стратегически устойчивого эффекта, основанного на этом начинании.

Сирийская пустыня

Сирийский конфликт иного решения, кроме военного, не имеет. Сперва враг должен быть разбит, и только после этого возможны переговоры с теми, кого допустят к ним, с кем мы и Асад согласимся сесть за стол переговоров.

Что такое война в Сирии? Сирия – это пустыня, в которой есть базовые перекрестки, базовые поля и города. И драка идет не за территорию вообще, а за эти перекрестки, поля, за воду, за населенные пункты. И когда говорят, что кто-то занял столько-то процентов территории – это ничего не значит. Все военные задачи решаются в населенных пунктах, где есть вода, инфраструктура.

Может ли стать Сирия для нас вторым Афганистаном? Нет, конечно. Во-первых, мы не имеем такой задачи, как в Афганистане, а во-вторых, внутренний сирийский конфликт не требует нашего вмешательства. Такого, чтобы мы за кого-то воевали, за какую-то сторону.

Конечно, тут есть масса рисков, будет вал информационных «вбросов» и пропаганды. Этого не стоит бояться, мы должны навязывать свою инициативу. Если проанализировать, какие заявления делают сейчас Госдеп, Пентагон, президент Обама – это всё разные заявления, это говорит о том, что у них сейчас нет единого плана, они буквально пишут «на коленке», и мы должны этим пользоваться.

Виталий Аверьянов,

исполнительный секретарь Изборского клуба:

Мы слышим в основном две крайние трактовки сегодняшней политики Путина на сирийском направлении. Первая из них – он сошёл с ума в очередной раз (мол, первый раз был, когда принималось решение о воссоединении с Крымом – теперь, дескать, повторно сошел с ума.) Вторая трактовка: Россия, действуя в упреждающем режиме, разрывает «петлю Анаконды». Из этих двух попыток объяснения мне ближе вторая. На мой взгляд, фактически речь идет о предотвращении или существенной отсрочке мировой войны, кото-

рая должна была развиваться по сценарию управляемого хаоса, – как гибридные многоочаговые конфликты по периметру границ России и Китая.

Каковы решаемые задачи в данной кампании? Прекращение гражданской войны в Сирии и закрепление там российских военных баз, которые позволят контролировать значительную часть Средиземного моря. Россия могла бы значительно увеличить своё влияние в регионе, объявить борьбу за иной исламский мир, за иной Ближний Восток, построенный не по американским деструктивным сценариям. Наконец, не в последнюю очередь в действиях России можно видеть и такую прагматичную цель, как борьбу за прекращение нефтяного демпинга.

У России есть определенная традиция поведения на арабском Востоке, она состоит в том, что существуют более фундаментальные противоречия и разделения, чем границы между шиитами и суннитами, другими религиозными группировками. Это, в первую очередь, раскол арабского мира на бедный Север и «жирных котлов» в Персидском заливе, которые де-факто воспринимаются бедными арабами в качестве ренегатов. Ставка России (в фазе СССР) на северные арабские режимы, стремящиеся к построению суверенной политики, независимой от Запада, была вполне оправданной. Исходить из религиозных противоречий, с точки зрения России, – абсурд. Русский подход подтвержден нашей историей, когда в течение веков выковывался гармоничный порядок, фактически примиряющий шиитов и суннитов (еще недавно в состав нашей страны входил Азербайджан, где шииты составляют порядка 85 % населения). В этом смысле на глубинном уровне интересы исламского мира как целого и интересы России очень близки.

Премьер Турции сегодня заявил, что из 57 русских ударов в Сирии только 2 были нанесены по ИГИЛ. Даже если это не пропаганда и в этом есть большая доля истины, мы здесь, в России, должны по этому поводу лишь торжествовать. Ведь фактически Россия наконец-то выскакивает из навязанного ей англосаксонского видения «международного терроризма», термина глобальной манипуляции – теперь не только США, но и Россия будет использовать эти термины и мифологемы так, как считает нужным. Путин де-факто отказывается от следования в русле навязанных стереотипов. Это и есть смысловая революция Путина. Мало кто способен здесь что-либо существенно возразить России, потому что границы между военизированными группировками в Сирии чрезвычайно размыты. Россия бомбит террористов, воюющих против правительства Асада, потому что её цель – не угодить американцам и европейцам, не угодить ЦРУ, пестовавшему и готовившему значительную часть этих террористов, а добиться мира и порядка в Сирии, закрепить в ней у власти своего надёжного союзника.

Я не согласен с теми, кто считает, что недопустимо наносить удары по нефтяной инфраструктуре – безусловно, за нелегальным нефтяным бизнесом в Сирии и Ираке стоят весьма могущественные силы, и они способны поднять страшный антироссийский вой. Однако эти выгодоприобретатели нелегальной нефтедобычи в любом случае потеряют свои доходы в случае успеха борьбы с террористами в регионе – поэтому бомбить их нефтепромыслы по возможности нужно.

Горящие бензовозы

И еще один аргумент в пользу сирийской кампании России – война должна ускорить внутреннее преобразование. Ведь трудно понять, как Кремль рассчитывает выигрывать в новых геополитических баталиях с таким правительством, которое фактически парализует экономическое развитие страны. Сегодня у нас бизнесы разоряются, банкротятся предприятия, растёт безработица, падают доходы – и происходит это не из-за санкций, а из-за политики финансового блока. Что ждет наши новые приобретения, если в «крымы», «донбассы» и даже в «сирии» придут Шуваловы, сурковы и дворковичи, чтобы навести там квазипорядок по-русски? При таком раскладе любые победы окажутся недолговечными. Из этого противоречия должен быть выход, и война будет подталкивать к такому выходу.

Орхан Джемаль,

журналист:

Меня попросили рассказать о раскладе сил среди противников Асада. Мы их объединяем, называя представителями Исламского государства и объявляя террористами. Я хочу детализировать это общее представление. Мятеж в Хаме в 1982 году, во время правления отца Башара Асада, закончившийся штурмом города и многочисленными жертвами, опирался на партию «братьев-мусульман». Кто-то из них бежал из страны, кто-то сел в тюрьму. В 1990-х годах эта тема особо не всплывала. В марте 2011 года была большая амнистия в Сирии, и на свободе оказались представители тех самых «братьев-мусульман», довольно влиятельной и сильной в свое время группы. Оказавшись на свободе, эти люди затеяли борьбу против Асада, у них есть своя вооруженная группировка, которая называется Ахрар аш-Шам, на сегодняшний день это самая большая и мощная группировка из противников Асада, общая численность отрядов которой идет на десятки тысяч. Район действий этой группировки – Идлиб. Наша авиация сейчас во взаимодействии с сирийскими наземными силами бьет именно по Ахрар аш-Шам в Идлибе.

Вторая сила, которая по численности, но не по известности, уступает Ахрар аш-Шаму, но входит в ту же структуру – Свободную сирийскую армию, это Джебхат ан-Нусра, это намного более сложная структура, нежели Ахрар аш-Шам.

Откуда взялся ИГИЛ. ИГИЛ официально начал свое существование в 2006 году, сразу после того, как американцы вошли в Ирак и свергли Саддама Хусейна, резко дестабилизировав ситуацию в регионе. Был резко нарушен баланс в пользу иракских шиитов, и радикальные исламисты оказались в тех же самых тюрьмах, в том же Абу-Грейбе, где и баасисты.

Боевики группировки «Ахрар Аш-Шам» готовятся к нанесению артиллерийского удара

Произошел некий симбиоз военно-управленческого опыта одних и религиозного рвения других, на основе которого и была в 2006 году создана структура, получившая название «Исламское государство» (на тот момент только Ирака), и эта структура присягнула Аль-Каиде, стала её иракской ячейкой. Эта структура просуществовала 5 лет. В 2011 году, когда начались события в Сирии, в Ираке было принято решение не вмешиваться непосредственно в сирийскую ситуацию, а создать некую дочернюю структуру, специально под сирийские проблемы, назвали её, как я уже говорил, Джебхат ан-Нусра, а возглавил её человек, о котором мы знаем, что он представляется как Абу Мухаммад аль-Джаулани. Стартовый капитал для организации и существования этой группы был небольшой, всего около 300 тысяч долларов. Джаулани оказался довольно эффективным менеджером, командиром, на эти деньги он создал партизанскую группировку, настолько эффективную, что в течение 2012 года она отхватила у Асада примерно половину территории. В этот момент возникло некоторое ревностное отношение основной структуры к дочерней, и весной 2013 года, после ряда конфликтов, было выдвинуто жесткое требование передать Исламскому государству Ирака и Шама (ИГИШ) все захваченные трофеи и территории, в том числе и нефтепромыслы. Джаулани уклонялся от этого, на него было покушение, вроде бы организованное Исламским государством. Лидер Аль-Каиды Завахери вынес решение: Исламское государство Ирак и Шама (ИГИШ) должно уйти в Ирак, это зона их ответственности, а Джебхат ан-Нусра остаться в Сирии, это зона их ответственности. Человека, передававшего этот приказ, Абу Халида ас-Сури, соратника Завахери, убили. Аймана аз-Завахери Исламское государство объявило вероотступником за то, что он делит Сирию и Ирак как две разные страны.

Встал вопрос «третейского суда» для разрешения этого конфликта. Это мог сделать только один человек – Макдиси, как главный шариатский идеолог для всех джихадистов на сегодняшний день. Однако его взгляды не устраивали Исламское государство и ими был предпринят хитрый ход – ИГИЛ объявили себя Халифатом, государством неподсудным и непогрешимым.

Они, условно, сказали: «Здесь Халифат, здесь шариат, кадият, и если кого-то что-то не устраивает, вы можете приехать, подать дело в наш суд – и наши судьи решат, кто тут прав, кто тут не прав». Это, я отмечаю, лето 2013 года.

После чего, собственно говоря, и началась война Исламского государства с тогда ещё Джебхат ан-Нусрой и поддерживающей её отрядами Сирийской свободной армии (ССА). И я обращаю ваше внимание на очень важный момент: Исламское государство – это не продукт конфликта джихадистов с Асадом. Это – продукт внутреннего конфликта, это внутренняя разборка, и это очень важно. Вот Джебхат ан-Нусра сегодня является вторым по силе отрядом ССА, который насчитывает шесть групп и воюет на два основных фронта: против Асада и против Исламского Государства. Они являются такими же врагами Исламского государства, как и много кто ещё.

Но если мы говорим об Исламском Государстве, то нужно понимать, что сейчас исламских государств в регионе (в мире картинка немного иная) ровно два. Есть исламское государство в Ираке. И это, собственно говоря, государство. Да, мы можем говорить, что это не государство, применять приставку «квази-», но, по факту, это государство, это территория, на которой существует система власть, которую поддерживает достаточно значительная часть местного населения, ведётся социальная политика, есть банковская система, есть суды и так далее.

Это государство существует де-факто. Более того, я вам скажу, что внутренние политические конфликты там связаны с мухаджирским пространством. Мухаджиры – это переселенцы. Это моджахеды, воины-переселенцы, которые перешли на новые территории – жить, воевать. Там много египтян, например. И все внутренние конфликты сосредоточены на сегодняшний день именно в этой среде. А если мы говорим о восстаниях местного населения против власти Исламского Государства, то я таких случаев знаю лишь три, больших из них – два. А все остальные конфликты – это столкновения мухаджиров. И эта структура родилась на конфликте, это Ирак, где власть не принадлежит военным, потому что Исламское Государство в силовой своей структуре держится на военной, вооружённой силе, так называемой шариатской гвардии. Это, по сути дела, полиция, которая поддерживает правопорядок, занимается политическим сыском и много чем ещё.

А если мы говорим об исламском государстве в Сирии, то не нужно думать, что это и в самом деле государство. Это – партизанская территория. И, если говорить прямо, у Исламского Государства в Сирии есть два главных противника: Свободная Сирийская Армия и курдское ополчение. Когда мы отвечаем на вопрос, являются ли Асад и Исламское Государство противниками, мы не можем сказать, что «нет, не являются». Безусловно, идеологически они друг другу противостоят, и столкновение между ними в определённых условиях возможно и даже неизбежно. Но сегодня существуют лишь три участка соприкосновения Исламского Государства с армией Асада. Первый участок, совсем небольшой: длина фронта там не превышает 20 километров, – в районе Сулеймании. Есть более длинный и более ожесточённый кусок фронта в районе Алеппо. И есть точка соприкосновения где военные действия де-факто не идут – это Пальмира. Её можно для красоты и для точности оставить, но реальных боевых действий там не ведётся. То есть линия фронта между ИГИЛ и официальным Дамаском где-то в десять раз меньше, чем линия фронта между официальным Дамаском и Сирийской Свободной Армией.

Когда сегодня российская авиация перешла от режима стратегической бомбардировки объектов инфраструктуры к режиму фронтовой авиации, которая расчищает проход для наземных сил, мы понимаем, что наземные силы – это армия Асада. Нужно понимать, что руководящая верхушка сирийской армии очень тесно связана с правящим классом, с алавитской средой. Но среднее звено офицерства, нижние чины – они не являются чисто алавитскими, чисто шиитскими, христианскими, друзскими, какими угодно. Там присутствует достаточно высокий процент суннитов, которые отнюдь не всегда поддерживают политику своего правительства. Поэтому то, что является сирийской армией, в общем-то, представляет собой не слишком боеспособные части, как бы вас не уверяли в том, что «времена 2011 года канули в прошлое, а сейчас это мощные, обстрелянные силы» и так далее. Фактически штурмовые, прорывные отряды, которые действуют на стороне Асада – это добровольцы из Афганистана: хазарейцы и некоторые пуштунские племена, плюс иранский КСИР и диванская «Хезболла». И Дамаск по сей день не пал отнюдь не потому, что вот сейчас туда вмешались мы. Дамаск не пал в 2013 году, поскольку удар по Свободной Сирийской Армии нанесло тогда Исламское Государство. Именно Исламское Государство спасло Дамаск от неизбежного падения ещё в 2013 году. Это не значит, что Исламское государство действовало в каком-то сговоре с Асадом. Но ИГИЛ не могло позволить, чтобы Дамаск взяла ан-Нусра.

И еще один момент. До 2013 года моджахеды, мухаджиры-иностранцы, присутствовавшие в Сирии, на самом деле, конечно, формально принадлежали к разным отрядам, но вот чёткого деления на то, что «мы – Да'иш» или «мы – ан-Нусра» или «мы – ещё кто-то», не существовало. До 2013 года грань была лишь одна «исламисты/светские». Но в 2013 году прошла целая серия внутренних конфликтов, в том числе – и по делёжке трофеев, связанная с выходцами с Кавказа, с одним из отрядов Свободной Сирийской Армии, «Хайянь». В этот момент «кавказцы» разделились, и часть их перешла из ССА на сторону Исламского Государства. Те, кто не перешёл на сторону ИГ и стал их противниками, хотя сейчас скорее надо говорить не о вражде, а об враждебном нейтралитете, сформировали структуру, которая сейчас называется «Джейш валь-Ансар аль-Мухаджирин». Костяком этой структуры являются выходцы из России. Сейчас неизвестно, кого они признают верховным лидером, но, по крайней мере до середины августа 2015 года, до смерти абу-Усмана или, как мы его больше знаем, Магомеда Сулейманова, лидера «Имарата Кавказ», данная группа являлась его отрядом в Сирии. Они признавали его верховенство. Численность этого отряда я бы оценил до 600, может быть до 800 человек, не более. Конечно, на фоне десятитысячных отрядов других групп это вроде бы немного, но у мухаджиров с Северного Кавказа в Сирии высокая боевая репутация: причём и у тех, кто воюет на стороне Исламского Государства, и у тех, кто воюет на стороне Сирийской Свободной Армии.

Начиная с 2011 года в Сирии воевали и так называемые такфиристы. В этническом составе у них значительную долю занимали азербайджанцы, выходцы из Азербайджана, из Казахстана, были и выходцы из России, но все они так или иначе связаны с шейхами-такфиристами, которые проповедуют в основном в Александрии. То есть они, скажем так, исламисты «египетской выучки». Все они входили в конфликт с руководством других отрядов, в том числе и Джебхат ан-Нусры, с руководством ССА, и самый известный их командир, уроженец дагестанского села Хаджалмахи, бывший милиционер, известный как Абу Банат, который публично отрезал головы священникам (и я тут уточняю, что я не пытаюсь кого-либо обелить или очернить, я хочу, чтобы меня все понимали правильно) – так вот, за это он был приговорён к смерти руководством ан-Нусры. И его переход на сторону Исламского Государства был сопряжён с тем, что ему надо было избежать кары. Точно так же, как Исламское Государство вышло из-под юрисдикции любых третейских судов, объявив себя Халифатом и, как следствие, неподсудным субъектом, так и все отряды такфиристов были буквально «всосаны», как пылесосом, Исламским Государством со всех сопредельных пространств.

Таким образом, следует признать, что другие структуры от такфиристских «отморозков» были в значительной мере очищены – и сейчас этих людей там нет.

Геннадий Попов,

информационное агентство «Анна-Ньюс»:

На мой взгляд, Исламское Государство, ИГИЛ – это попытка создания глобализационного проекта в рамках суннитского мира. И это, безусловно, частично даёт свои плоды. В частности, только позавчера в Москве прошла конференция на которой собрали исламских улемов, которым предложили высказать свою точку зрения на происходящее в Сирии и, одновременно, дали оценку Исламскому Государству, как негативному явлению. На конференцию были приглашены и суннитские, и шиитские богословы. И даже были приглашены богословы, стоящие на позиции соединения шиитской и суннитской версий ислама. Но на конференции возникли противоречия между различными богословами даже в суннитском мире. Кто-то сказал: «Россия, остановись». Другие сказали, что всё правильно Россия делает. И, опираясь на слова Путина при открытии Соборной Мечети в Москве, Россия провозгласила себя частью исламского мира. А ведь это означает, что Россия пытается создать альтернативный глобализационный проект в исламском мире. Вопрос: насколько эти попытки России могут увенчаться успехом?

Максим Шевченко:

Касательно «глобального исламского проекта» России. Я считаю, что это достаточно опасная иллюзия. Исламский мир гораздо древнее России. И Россия – это не только ислам. В силу чего следует говорить не столько об идеологическом, сколько о дипломатическом проекте. И в словах Президента России говорится лишь о том, что «Россия тоже является частью исламского мира», а вот дальше всё упрётся в противоречия между лидерами стран исламского мира и России, в проблемы с финансовым лобби, которое, начиная с начала 1990-х годов захватило финансовую и во многом – экономическую структуру России. И мы должны понимать, что это лобби закрыло окно для исламского банкинга в России и уничтожило банк-корреспондент Всемирного Исламского Банка в России. Это как раз и есть шаги по поддержке в России спекулятивной экономики, которой противостоит исламский банкинг. Исламские деньги работают во всех западных странах: США, Великобритания, Германия, Франция, Швейцария – все эти страны имеют громадные притоки саудовских, кувейтских, катарских, эмиратских денег. И единственная страна так называемого «современного цивилизованного мира», в которую доступ исламских денег напрочь закрыт, – это Россия. Кем закрыт? Для чего?

Я считаю, для того, чтобы эти «дешёвые» деньги, деньги Залива – полностью пожирал Запад. Китай пытался в них «запустить лапу», но сумел договориться только с саудитами. По моему мнению, например, уничтожение партии Исламского Возрождения Таджикистана – это часть договорённости Рахмона с его китайско-саудовскими спонсорами. Саудовской Аравии совершенно не нужны ихваны, их идеологические конкуренты, а Пекин, особо не разбираясь в деталях и будучи заинтересован в отношениях с Эр-Риядом, сказал Рахмону «уничтожить любой исламский фактор».

Рахмон посмотрел: кого уничтожать? Есть законопослушная парламентская партия, можно её спокойно принести в жертву. В итоге Таджикистан открыл дорогу гораздо более радикальным силам, которые теперь просто сидят и ждут, когда Рахмон наделает ещё каких-нибудь глупостей.

Поэтому я считаю, что проект России должен носить дипломатический, экономический, военно-технический характер, но никак не идеологический – не надо учить мусульман на Ближнем Востоке, как им «правильно» исповедовать ислам.

Владислав Шурыгин:

Давайте посмотрим, что было два месяца назад. Месяц назад позиция американцев была следующая: Асад должен уйти, никакие переговоры с ним невозможны. Падение Дамаска было вопросом времени, ему давали три, максимум четыре недели. Что получала Россия после падения Дамаска?

Мы потеряли бы полностью все остатки своего авторитета и даже присутствия в Средиземноморье это громадное геополитическое поражение. После того, как мы пришли, произошло следующее: тут же поменял тон Обама, он стал допускать при определенных условиях сохранение Асада.

Поэтому наша первая задача – жёстко зафиксировать ситуацию с сохранением власти Башара Асада для всех участников конфликта, и только после этого договариваться о мире и новых выборах. Далее, при нашем посредничестве, возможна передача власти от Асада той группе, которая нам лояльна.

Но я соглашусь с Александром Нагорным и Виталием Аверьяновым: если здесь, внутри России, не будет обеспечена политическая стабильность, не будет изменен либеральный курс, мы не сможем не достигнуть своих геополитических целей в Сирии. К сожалению, есть древняя поговорка о том, что осёл, груженный золотом, может быстрее захватить город, чем армия, вооруженная копьями. Десятки американских «ослов с золотом», топчутся сегодня перед нашими границами в поисках дверей. Эту нашу внутреннюю слабость я считаю основной угрозой.

Олег Розанов:

Я бы хотел сказать, что именно сейчас в Сирии рождается тот самый многополярный мир, о котором все говорят. Мы, в сегодняшнем обсуждении как-то не коснулись темы Китая. Мы не упомянули недавние, совершенно странные, учения Китая в Средиземном море, его жёсткую антиамериканскую позицию по сирийскому вопросу в ООН. Очевидно, что Россия, вмешавшись в конфликт, как минимум, консультировалась с Китаем, а возможно, и получила какие-то гарантии со стороны Китая. И план этот явно разрабатывался не вчера, поскольку просто так бы Китай не пошёл в Средиземное море и не проводил бы там учения. И если мы сегодня в итоге выйдем на некий компромисс по Сирии с американцами – то это будет означать, что Россия и Китай стоят по одну сторону барьера, а США – по другую. Значит, проявляется новый контур многополярного мира. Россия возвращается в международную политику, в связке «Москва – Пекин – Тегеран». Америка перестает быть глобальным мировым лидером, мировым жандармом. Мир становится другим.

Сергей Глазьев,

академик РАН:

Нынешняя ситуация невольно сравнивается с Афганистаном. Вот три позиции, которые сегодня уже намечены нашим «круглым столом»: 1) это ловушка; 2) мы сильны, мы крепки, наш президент знает, что делает, победа будет за нами! 3) всё, что происходит сегодня с нашей страной (а положение у нас намного хуже, чем было в СССР перед 1991 годом), – это «варение лягушки на медленном огне», нас пытаются уничтожить, но исподтишка, не форсируя события. В этом, третьем варианте, влезли бы мы на Ближний Восток, не влезли бы – всё равно нужна развязка. В условиях управляемых извне кризисов нам

удобнее и выгоднее действовать когда они становятся неуправляемыми. Мне даже кажется, что может это был спонтанный шаг нашего руководства, спонтанный, неординарный шаг, в ситуации, когда нас обложили со всех сторон. Шаг, сбивающий с толку наших оппонентов, привыкших действовать по заранее выверенным стратегиям, лекалам.

В любом случае – что произошло, то произошло. В идеале, конечно, было бы месяц-полтора повоевать, постараться втянуть в коалицию максимальное количество стран, завязать их на этом, чтобы стать одними среди многих и отойти в сторону. Но дали бы нам это сделать? Вряд ли.

Может ли Россия добиться успеха, в той роли, которую она сейчас выбрала для себя в Сирии? Мне кажется, это очень сложно – особенно, имея в виду враждебное нашей стране глобальное медиапространство. В наших силовых структурах с информационной борьбой дело обстоит плохо, нет консолидации, нет планирования информационных операций, нет специального органа в масштабах всей страны отвечающего за такого рода «информационные войны». В этом аспекте против нас противник особенно силен, особенно если его медиа-возможности сочетаются с возможностями спецслужб, а это взаимодействие Западом отлажено практически в совершенстве.

Александр Нагорный:

Главный наш противник в Сирии – не ИГИЛ и не ан-Нусра, а Соединенные Штаты Америки. И все, что мы делаем и будет делать, наталкивается на эту глыбу.

При этом целью действий Кремля, насколько можно судить, является не победа над ИГИЛ, а достижение каких-то договоренностей с американцами. Все заявления, которые мы слышим от Генерального Штаба, с телевидения – постоянно идут заверения о том, что мы будем совместно с американцами чего-то там делать... С такими настроениями – не побеждают.

Все мы знаем, на чем базируется стратегия США. Это так называемая «стратегия Анаконды». Она заключается в замыкании вокруг России враждебного кольца, провоцирующего конфликты по всему периметру наших границ и «удушению» в этих конфликтах, что мы видим на примере Украины. Силы наши сегодня не равны и единственная выигрышная стратегия для обороняющейся стороны, то есть для России – взрывать эту ситуацию. Выход в Сирии – не просто возврат России на мировой геополитический уровень, это как раз реальная возможность такого «взрыва ситуации». Конечно, тут масса рисков, будет вал провокаций и связанных с ними информационных «вбросов». Этого не стоит бояться, мы должны навязывать свою инициативу. Если проанализировать, какие заявления делают сейчас Госдеп, Пентагон, президент Обама – это все разные заявления, у них пока нет единого плана, единой ответной стратегии на действия России, и мы должны этим пользоваться.

Предыстория ИГИЛ

Против кого воюет Россия в Сирии?

Несколько материалов, объединенных в данном издании под этим заголовком, появились на получившем за последнее время немалую известность и популярность сайте pravosudija.net Татьяны Волковой. Владелица данного сайта настаивает на собственной аутентичности, хотя и предыстория её сайта, которая теперь, после подчисток, начинается с 24 октября 2012 года, с сочувственного текста, посвященного аресту в Киеве Льва Развозжаева, тогда — помощника депутата Госдумы РФ Ильи Пономарёва (более ранние посты, типично «домохозяйской» тематики, с сайта по какой-то причине убраны), и явно «отзеркаленная» фотография самой «хозяйки» свидетельствуют о том, что налицо определенный канал «слива» информации, организованный, судя по ряду признаков, одной из спецслужб: либо израильской, либо произраильской, либо выдающей себя за таковую. Возможно, определенный «ключ» к пониманию сложившейся ситуации, которая от имени Татьяны Волковой была охарактеризована как «уникальная», даст постоянное представление авторами сайта американской корпорации Vanguard («Вангард») и аффилированных с нею структур как своего рода «империи зла» для России и для всего мира, но для данного издания эта «грызня спецслужб» интересна только своими «сирийскими следами», цепочка которых приводится ниже.

Стоит специально отметить, что копирование материалов проведено без какого-либо разрешения со стороны Татьяны Волковой, поскольку данный сайт (блог) официально не зарегистрирован на территории России в качестве средства массовой информации, тексты находятся в открытом и безвозмездном доступе, а их авторы выступают под псевдонимами (никами). Специфический стиль изложения и обилие ссылок, возможно, представят определённые затруднения для читателя, однако «плотность информации» в данном случае того заслуживает. Хронологический принцип публикаций нарушен, поскольку в начало вынесены материалы, посвященные созданию «Исламского государства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.